

Воровка чар. Нечисть, нежить, нелюдь

Автор:

Аня Сокол

Воровка чар. Нечисть, нежить, нелюдь

Аня Сокол

Воровка чар #2

Если тебя объявили преступницей, самое время бежать. Особенно когда знаешь, что правосудие не очень-то и право. Сбежать, найти самый глухой угол и спрятаться. Разве я виновата, что в этом дремучем селе кто-то вызвал демона? Разве могла знать, что за околицей рассадник нежити? Разве могла предположить, что чернокнижник, которым пугают маленьких детей, решит поцеловать меня, а затем убить? Надеюсь, не потому, что плохо целуюсь.

Аня Сокол

Воровка чар. Нечисть, нежить, нелюдь

Глава 1

Беглецы

Однажды я «украла» силу мага. И меня казнили...

Нет, это совсем неправильное начало истории.

Правильнее начать так: «Жила-была Айка Озерная, была она бела как снег и помыслами чиста...»

Опять мимо, особенно с чистотой помыслов.

Тогда лучше так: «Много чудищ невиданных ходит по дорогам тарийским: чаровники, что убивают, не глядя на возраст и заслуги перед отечеством; водянки[1 - Водянка – представительница народа вордов. – Здесь и далее примеч. авт.], что шепчут непонятные слова над зеркальной гладью рек; вирийские чернокнижники, что поедают маленьких детей на завтрак, а возможно, на обед и на ужин; а уж о безыскусной нечисти и нежити я вообще молчу, пока голову не откусили...»

Нет, так слишком длинно. Как же начать? Расскажу как есть.

Эта история началась в день моей казни, одним теплым осенним вечером, когда добропорядочные граждане Велижа поднимали кружки хмельного эля, желая всяческих бед воровке чар, что еще недавно, нарядившись в рубище по случаю торжественного события, стояла на эшафоте. Магический город гудел от пьяных песен, смакуя свершившуюся казнь.

Но по капризу богов воровка чар не умерла. Я выжила, что очень не понравилось магам-палачам. Они привыкли делать свою работу на совесть.

Дождаться, пока чаровники придумают новую кару, было не с руки, и я сбежала в компании... так и хочется сказать: народных героев, безвинно томившихся в остроге. Но нет, скорее, в компании закоренелых преступников. Я сбежала с тем самым «обкраденным» мною учеником мага, со страшным чернокнижником и с деревенским стрелком, который хоть и обзавелся арбалетом, но так и не научился стрелять.

Сбежала через северо-восточные ворота, очень боясь, что наши планы раскрыли и тяжелые, укрепленные магическими заклинаниями створки захлопнутся перед самым носом, но...

Из ворот нас выпустили. Хмельные стражники даже не поинтересовались, кто мы и куда нас демоны понесли.

Город давно скрылся за холмами, а мы все не снижали темпа, летели сквозь рощи, заросли кустарников, петляли между оврагами – до самого вечера, пока лошади не захрипели, мышцы едва не сводило судорогой, а пальцы, сжимавшие поводья, отказывались шевелиться; пока чернокнижник Вит, задающий направление, не указал рукой на опушку леса.

Собирались в спешке, никто не подумал о припасах, только о железе и лошадях. От предыдущего путешествия в сумках осталось немного крупы и кореньев. Хорошо хоть торбу с травами и настойками забрали вместе с железками. Я лишилась запасной одежды и денег, Вит был полностью безоружен. Хотя с этим наверняка можно поспорить, чернокнижники любят преподносить сюрпризы.

Мы ели в тишине, загребая из котелка кашу, сваренную из остатков крупы, и никто не решался заговорить первым. Наверное, потому, что с этого момента никто из умных старших уже не мог указать путь. Сейчас все придется решать нам. Самим! И отвечать – тоже. Сначала за меня решала бабушка, потом маги, потом суд и палачи. А теперь предстояло научиться делать это самой.

Стоило ли преодолевать столько препятствий на пути в Велиж, чтобы покидать его вот так – бежать, поскольку тебя считают едва ли не большей преступницей, чем раньше?

– Куда едем дальше? – первым не выдержал Рион, тот самый «невиннообкраденный» ученик мага, из-за которого мне пришлось стоять на эшафоте.

– Разве не в княжество чернокнижников? – удивился стрелок Михей, выскребая котелок. – Раз говорят, что там точно не найдут...

– Я бы поостерегся слепо верить чужим словам. – Чернокнижник посмотрел на огонь и попросил: – Рион, дай карту.

Парень скривился, но огрызаться не стал, быстро расстелил на земле исчерканный лоскут кожи.

– Вот здесь граница ближе всего, – указал ложкой Михей.

– Она везде близко, – отмахнулся чернокнижник. – Айку начнут искать и, когда выяснится, что я бежал с вами, дальнейший путь просчитают без труда. На границе нас будут ждать.

– Давайте сначала решим, сколько нас? И кто именно с кем едет? – проговорила я. – У Айки, может быть, есть свое мнение.

– Слушаю тебя, – серьезно сказал Вит.

– Неподалеку от Солодков как-то ловили Перка-душегуба, – задумчиво начала я. – Не помню, скольких мужик порешил, но мотало его от Верхних Холмов до Малого Поймища.

– Поймали? – с интересом спросил Михей.

– Собаками затравили.

– К чему ты все это рассказываешь? – поинтересовался Рион.

– К тому, – ответил вместо меня вириец-чернокнижник, – что нас, скорее всего, поймут.

– И что, можно никуда не ходить? – разозлился ученик мага.

– Я сказал – «скорее всего», а не «обязательно», – поправил его Вит. – Все будет зависеть от того, насколько им нужна Айка.

– Это если верить внезапно вспыхнувшему чувству вины и решившему помочь ей с побегом чаровнику, – кивнул Рион и спросил: – А мы верим?

– Не знаю, но проверять как-то не тянет. – Я поежилась и добавила: – Давайте представим, что верим. Так вот, когда...

– Если... – перебил Вит.

– Если нас поймут, то вам, – я посмотрела сначала на ученика мага, потом на деревенского рыбака Михея, – не удастся убедить чаровников, что просто мимо проходили.

– С каких это пор ты думаешь о ком-то, кроме себя? – хмыкнул Рион. – Или тебя так перекроило после эшафота?

– Я думаю о себе. Одной уйти куда проще, чем в компании с недомагом, недострелком и недо...

Вит поднял брови, и я не стала договаривать.

– Добрая она у вас, – улыбнулся вириец, но тут же стал серьезным и добавил: – Она права. Я-то в любом случае для тарийцев ярмарочный уродец, причем опасный, потомок дасу[2 - Демон.], а у вас еще есть шанс остаться людьми.

– Правильно говоришь, – кивнул Михей и вопреки всему добавил: – Поэтому я еду с Айкой.

– Зачем? – Я отложила ложку, которую вертела в руках.

– Что? – не понял стрелок.

– Зачем ты едешь с Айкой? То есть со мной?

– А чего мне дома делать? Смех за собственной спиной слушать? Рыбу ловить? Так батя вместе с лодкой утоп. И сетями. Да ну, – он махнул рукой. – И...

– И замуж за тебя никто не пойдет, – закончил Рион. – Все это мы уже слышали. Вот сгинешь, так сразу невестами обзаведешься на том свете.

– А сам? – посмотрел на него Вит. – Не хочешь отправиться на поиски учителя?

– Я тоже с вами. – Рион не отвел взгляда. – Прослежу, чтобы ты Айку своим чернокнижникам не сдал. На опыты.

– Так, – мужчина хохотнул, – обоих сдам, еще и орден получу от верховного некрманта.

– Ну хоть кому-то прибиток. – Я потянулась. – И так, куда едем?

– Предлагаю направиться вот сюда. – Вириец склонился над картой и коснулся пальцем ничем не примечательного места.

– Север Тарии необитаем, граничит с Озерным краем. Кто в здравом уме туда сунется? – возмутился Рион.

– Вот именно, – кивнула я. – Никто. Они же не знают, что у нас об уме и речи нет, а уж о здравом – тем более.

– Думаю, на деле сведения о пустынности этих мест сильно преувеличены. Готов поклясться – деревушек и хуторов там не меньше, чем на юге. Люди живут везде. – Чернокнижник оглядел нашу компанию.

Его лицо, освещаемое бликами костра, вдруг показалось мне слишком грубым. Нос, скулы, запавшие глаза, бледная кожа и грязные волосы. Говорят, так выглядят дасу, когда принимают человеческое обличье. Ну и еще у них огонь выходит из глаз, из ушей, изо рта.

– Мне все равно, – сказал Михей, – на север так на север.

– Я согласна.

Мы посмотрели на Риона.

– Давай, чаровник, – поддел Вит. – Айкину родню навестим. Когда еще представится случай.

– Там не может быть хуже, чем в Вирийском княжестве, – согласился наконец чаровник. – На север.

Следующим утром мы двинулись в северном направлении. Проезжих дорог избегали, пробирались узкими стежками и перелесками. Кроме Облачка и деревенского мерина у нас были две длинногривые тонконогие лошадки рыжеватой масти. Интересно, на сколько динов[3 - Дин - серебряная монета.] мы разорили магов? Надеюсь, на много.

Поля, холмы, редколесье сменяли друг друга. Этот край впрямь не пользовался в народе любовью, селения встречались лишь изредка, но мы старались объезжать их по широкой дуге. Иногда вслед лаяли собаки, иногда выли волки. И то и другое настораживало, но погони, если таковая и была, мы пока не замечали.

Михею с третьей попытки удалось подстрелить зайца. Кто больше удивился этому, мы, стрелок или покойный косой, сказать трудно.

К полудню третьего дня задававший направление Вит натянул поводья, заставив лошадь перейти с рыси на неторопливую иноходь, а потом и вовсе остановился. Облачко тихонько заржала.

- Дымом пахнет, - проговорил чернокнижник. - Впереди селение.

Возможно, мы слишком долго убегали, оглядываясь через каждый вар[4 - Примерно тысяча шагов.], а может, дело в том, что нас никто не торопился догонять, но Михей неожиданно прогудел:

- Я бы припасов купил. Хотя бы соли. Мы ведь уже далеко от Велижа?

- А я бы дорогу спросил, - согласился Рион. - Заведет нас чернокнижник к дасу в пасть, потом не выберемся.

- Вы и так не выберетесь. - Вит взгляделся в зеленые кроны.

- Почему нет дороги? - спросила я, отводя норовившую задеть лицо ветку. - Село есть, а дороги к нему нет?

Ответили мне стрелой. Она вылетела из переплетения ветвей и воткнулась в землю в пальце от копыта Облачка. Лошадь затрясла головой, совершенно не

радуясь такому подарку.

Вит в мгновение ока спешился, щелкнула тетива заряжаемого стрелком арбалета, Рион вполголоса выругался. Я слезла с Облачка и погладила кобылу по морде, стараясь успокоить. Вторая стрела попала в кусты правее и, жизнерадостно прошуршав среди листвы, упала на усыпанную листьями землю. Вириец поднял ее. Грубо сработанное древко, кривоватое, явная самоделка – наконечник, и тот слетел.

Осваивать военное искусство тут начали явно недавно. С чего бы? Места вроде тихие.

Рион раздвинул ветки, выглянул на просеку. Село больше походило на военный пост или гарнизон. Дома были обнесены сплошным частоколом, из-за которого виднелись только крыши. Судя по не успевшему потемнеть дереву, укрепление вокруг селения возвели совсем недавно.

Вит был прав. Пахло дымом, где-то печально мычала корова.

– Ну, чего стоишь? – буркнул Рион, глядя на вирийца. Парню, как и кобыле, очень не понравилась воткнувшаяся в землю стрела. – Давай покажи, в чем сила чернокнижников?

– Чего изволите? – Вит сделал вид, что закатывает рукава заимствованной у Тамита рубахи. – Спалить всех к дасу? Или вывернуть наизнанку?

– Тьфу, – сплюнул ученик мага.

– Конечно, ты – «тьфу», а я пачкаться должен. Сам и покажи удаль чаровницкую, тогда живо ворота откроют. Или думаешь, я не знаю, что ты по горло полон силы? – Мужчина посмотрел на парня, который инстинктивно схватился за кристалл на шее. – Теперь это всего лишь побрякушка, ты уже перелил все в резерв. Правильно сделал, только не строй из себя беспомощного, а то я, того гляди, поверю.

Еще одна стрела, прервав спор, попыталась воткнуться в ствол дерева между мужчинами, но стрелок не рассчитал, и она упала, оставив наконечник в коре.

– Кто такие? Чего надо? – закричали из-за ограждения.

– Путешествуем. Сами из Гардрика. Просим пристанища, – закричал в ответ Вит, разглядывая частокол.

Михей тоже пытался разглядеть стрелявших, только поверх прицела арбалета. Но понять, кто с нами говорит, с такого расстояния было невозможно.

– Путь-шест-ву-ете? – по слогам проговорил гостеприимный хозяин. – Вот и шествуйте себе дальше. Тепло, чай, не околете. Разъездились всякие, житья не стало. – Голос с легкой хрипотцой принадлежал мужчине, наверное, уже немолодому, но, несмотря на резкие слова, в нем слышался страх.

– Они чем-то напуганы, – словно прочитал мои мысли вириец и снова прокричал: – До ближайшего села далеко?

Ответили не сразу, видимо, совещались, как далеко и надолго нас послать. Чего они так боятся? Нас всего четверо, не штурмом же будем их брать?

– Восточнее на озере заброшенный скит. Вроде живет в нем кто-то.

– Далекое?

– Полдня верхом до прокля... – начал другой голос, помоложе.

Но его прервали:

– Пошли прочь! Иначе собак спустим! – словно подтверждая слова хозяина, где-то вдалеке тьякнула шавка. Судя по всему, мелкая, такой только цыплят гонять. Ей грустно ответила мычанием корова.

– Уходим, – скомандовал вириец.

– Мне послышалось или они говорили что-то о проклятии? – обеспокоенно спросил Михей, беря под уздцы мерина.

– Не имеет значения. – Чернокнижник повел свою кобылу мимо села, поглядывая на частокол. Дороги по-прежнему не было, лишь просека в лесу. – Мы не идем ни в какой скит.

– Но зачем же ты тогда спрашивал? – не понял Рион.

– Затем. Мало ли кто после нас сюда забредет? Деревенские – народ говорливый, – ответил чернокнижник.

– Про этих я бы такого не сказал, – загрустил стрелок.

Вириец забирал все дальше на север. Просека сузилась, нам то и дело приходилось спешиваться и проводить лошадей между стволами. Солнце терялось в листве, еще минуту назад оно висело над правым плечом чернокнижника, а сейчас уже было за спиной. Долгое молчание тяготило, стук копыт раздражал, болезненно отдаваясь в висках. Вириец чертыхнулся и вдруг развернулся направо, резко изменив направление.

– Мы заблудились? – спросил Рион таким тоном, что сразу стало ясно: ничего другого от отродья дасу он не ожидал.

– Нет. – Вит остановился и выругался. – Нас заблудили.

– Что? – не понял Михей.

А я продолжала смотреть на золотистый диск, снова неведомым образом переместившийся нам за спины, хотя меньше минуты назад вириец оставил его по правую руку.

Что его беспокоило? Все вроде неплохо, никаких темных ям, бурелома или таинственных зловещих знаков, какие видят герои баллад на каждом замшелом пне. Ручейки, кусты, деревья.

Может, именно это? Картинка – яркая, правильная, почти лубочная. Там, где живут люди, так не бывает. Где скошенная трава, сломанные ветки и поваленные стволы? Где следы волокуши, на которую складывали хворост? Где срубленные деревья?

– Кто знает, что такое «единый путь»? – спросил чернокнижник. Плечи его поникли, и он спокойно пошел вперед, не выбирая направления.

– Это заклинание, – с видом знатока ответил Рион. – Его накладывают, когда хотят, чтобы путники не сбились с пути. Очень сложное и затратное по силе. Проще встретить и проводить.

– Для кого-то не проще. – Вит обернулся и тоже посмотрел на солнце.

– Мы на «едином пути»? – спросила я, уже зная ответ.

– Да.

– Но кому это понадобилось в такой глуши? – фыркнул Рион. – А ты не преувеличиваешь?

– Я два раза менял направление и два раза возвращался, мы все время идем на восток, куда бы ни сворачивали.

– Леший водит, – выдвинул новую версию Михей и поводит пальцами в воздухе, делая отвращающий знак.

– Скоро узнаем, что за леший, – пообещал чернокнижник таким голосом, что я бы на месте лешего поостереглась выходить и знакомиться.

Заброшенную постройку из серого камня мы увидели издали и несколько минут стояли, бестолково пялясь, словно сбившаяся в кучу стая полевых мышей, у которых не хватает духа пробежаться до амбара и обратно.

– Будь готов, – загадочно сказал Вит чаровнику.

– Ты ожидаешь нападения? – забеспокоился Рион.

– Нет. Я ожидаю, что вот-вот появится тот самый заброшенный скит, который нам сватали местные воители. Если повезет, не совсем развалившийся дом, самое большее – с живущим там бродягой. Возможно, он не может выбраться как раз из-за заклинания «единого пути».

– А его можно обойти? Этот «единый путь»? – уточнила я.

– Можно, – обнадежил Вит, – только надо жертву принести.

– Какую... – начал Рион, но чернокнижник поднял ладонь, призывая парня к молчанию, и тот шепотом закончил: – Жертву? Я не умею приносить жертвы.

– Это ваша общая беда. Лошадей привяжите. Идем по двое, Рион со мной, Айка с Михеем. При необходимости – защищайтесь всем, чем можете. Только друг друга не угробьте, – дал указания Вит.

И мы вышли из тени деревьев.

Глава 2

Служитель капища

Скит казался заброшенным, от большинства построек остались замшелые, раскрошившиеся от времени камни, поросшие травой, деревьями и кустами. Старые дома со сгнившими крышами и темными провалами вместо дверей и окон. Большой скит, около десятка дворов, ранее окруженных стеной, сейчас местами обвалившейся и поросшей мхом. Покинутые, забытые развалины, оставленные жестокому суду времени. Безмолвие и полумрак. И никаких следов недавнего присутствия людей.

– Рион, Михей, надо обойти скит и удостовериться, что мы одни, – скомандовал Вит. Его голос в тишине показался пронзительным и громким. Заряжавший арбалет Михей утвердительно кивнул. – Вы справа, мы с Айкой слева.

– Почему это ты с Айк... – начал чаровник и умолк, когда его слова отскочили от стен и затерялись в развалинах.

– В каждой паре по чаровнику, да и стрелок более полезен в схватке, чем девчонка, – прошептал вириец и взмахнул рукой, начиная обход.

Я не протестовала: чем меньше от тебя ждут, тем проще.

Ступая следом за чернокнижником, я то и дело ловила на себе встревоженный взгляд Риона. Они с Михеем, обходя скит с другой стороны, то появлялись, то исчезали за развалившимися строениями. Иногда из-под ног скатывался камешек, и все вздрагивали. Но кто бы ни прятался в старом заброшенном скиту, кто бы ни наложил на округу заклинание «единого пути», он оказался не особенно гостеприимным хозяином и не спешил показываться на глаза.

В полном молчании мы обошли заброшенное селение. С противоположной стороны тоже когда-то стояла стена. Там она сохранилась гораздо лучше. Круглые валуны прижимались друг к другу, образуя узкую арку.

Подошедший с противоположной стороны Рион вытянул шею, желая заглянуть за стену, и неохотно спросил:

– Туда тоже пойдем?

– Конечно, – обрадовал его Вит.

Пресекая не успевший начаться спор, стрелок перехватил арбалет и первым нырнул в проем. Следом Вит, потом раздраженно дернувший головой чаровник. Я миновала старую арку последней.

Конечно, мы ожидали какой-нибудь гадости: заклятие и старые развалины – идеальное сочетание для всяких неприятных сюрпризов. Каждая минута тишины заставляла нас еще больше нервничать и тревожно озираться по сторонам.

Раньше здесь был сад. Наверное, красивый, с мраморными скамейками. Я посмотрела на позеленевшие от времени остатки скульптуры, в которых угадывались чьи-то ноги, не очень аккуратно отделенные от тела. Когда-то здесь стояли статуи.

Яблони одичали. Их ветви раздались в стороны. Розы с годами превратились в колючие кусты, похожие на шиповник. Я присела, разгребла траву, вырвала с корнем несколько пучков. Так и есть, под тонким слоем земли, травы и старой листвы обнаружилась мощеная дорожка.

– Айка, сюда, – позвал стрелок, и я подняла голову.

Михей стоял в сотне шагов от меня и указывал на нагромождение камней слишком правильной круглой формы.

– Мне чудится или это... – спросил он, когда я подошла ближе.

Обычные обломки, их тут всюду полно. Вот только раскиданы немного странно, по кругу. Словно здесь когда-то лежало большое блюдо, а проходивший мимо великан наступил на него, оставив после себя россыпь осколков. А еще цвет – кремовый с золотистыми прожилками мрамор, смутно знакомый не только мне, но и стрелку. Неужели это...

– Источник силы? – прошептала я.

– Он самый, – подошел к развалинам Вит.

Михей присел и провел рукой по осколкам камней.

– В Тарии был еще один Источник? – не поверил Рион. – Не может быть! Мы бы знали. – Чаровник смотрел на остов каменной чаши с ужасом и недоверием.

– Кто это мы? – усмехнулся вириец. – Чаровники? А ты уверен, что они этого не знают?

– Теплый, – удивился Михей, убрав руку с камня.

– Здесь еще осталась энергия, мало, но... – Чернокнижник подобрал крупный осколок и вдруг протянул стрелку. – Теплый, говоришь? А этот?

– Положи на место! – раздался шипящий голос.

От неожиданности я подпрыгнула. Щелкнула тетива, болт ушел в кусты, стрелок в очередной раз промахнулся. На ладонях Вита вспыхнули языки агатового пламени. Один Рион остался безучастным, он продолжал смотреть на разрушенную чашу и даже голову не повернул.

Из-за старого дерева, на котором давно уже высохла половина ветвей, вышел невысокий кряжистый мужчина в крестьянской одежде. Странный мужчина. Я бы назвала его молодым стариком, если бы меня кто-то спрашивал. Его лицо, почти без морщин, казалось едва ли не детским, а волосы незнакомца были полностью седые. Он поднял руки, показывая, что не вооружен.

- Не думаю, что разумно что-либо уносить отсюда. Даже камни, - сказал мужчина. - Я отшельник по воле Эола[5 - Бог жизни в Тарии.] и не причиню вам зла.

Михей опустил арбалет. Вит был не столь легковверен, черное пламя продолжало танцевать на его ладонях. Рион рассматривал светлые камни с таким видом, словно узрел пришествие Эола и его ближайших сподвижников.

- Что ты здесь делаешь? - напрямую спросил чернокнижник.

- Живу. И приглашаю вас разделить со мной кров и ужин. Близится ночь.

- Мы согласны, - ответил за всех Рион. Он не прикоснулся ни к оружию, ни к магии. - Давайте уйдем. Не хочу здесь находиться. - И, обращаясь к вирийцу, добавил: - Остынь, убить его всегда успеем.

Обитал молодой старик в лачуге из грубо сколоченных досок, построенной не иначе как им самим примерно в варе от скита. Честно говоря, строитель из богомола оказался так себе, жилище больше походило на сарай, в котором постеснялись бы жить даже козы.

- Смирт[6 - Самый распространенный духовный сан в Тарии, обычно смирт - это служитель храма.] я здешний, Теиром кличут, - проговорил отшельник, присаживаясь на чурбак, заменявший ему стул. - Вот уж не думал магов здесь увидеть. - Служитель повесил над огнем котелок и стал раздувать угли. - Ваше племя к нам калачом не заманишь. Откуда такие смелые будете?

Я огляделась и, не найдя второго чурбака, села прямо на земляной пол. Одна комната, очаг, тряпье у дыры в стене... о, простите, постель у окна, храмовое изображение Эола в углу, воняющие жиром свечи. С потолка свисали вязанки

трав и плетенки лука и чеснока, они были настолько старыми, что не проросли только по причине своей давнишней бесславной гибели.

В отличие от своего грязного нищего жилища, сам служитель выглядел хоть и бедняком, но бедняком опрятным. Одежда старенькая, но все прорехи аккуратно заштопаны, крепкие боты на ногах, волосы седые, но чистые.

Но... что-то было не так. Какая-то деталь на миг выбилась из общей картины. Я внимательно оглядела лачугу. Грязно, уныло, никаких излишеств.

Мужчина не обращал внимания на криво сложенный очаг, мало чем отличавшийся от ямы в земле, он не видел грязи на ворохе тряпок, заменявших ему постель, ему не мешали щели в стенах и протекающая крыша.

– Из Гардрика. Ездим, опыта набираемся. Я Торн, – ответил Вит и, прежде чем кто-либо успел возразить, представил остальных: – Орин, – кивок на Риона, – Мирон и Ася.

– Хорошее дело – опыт, – одобрил смирт и стал сыпать в кипяток крупу.

– Так ведь... ведь... – Рион мотнул головой. – Раньше тут был Фонтан силы?

– Наверняка, – пожал плечами Теир.

– Что произошло? Кто его разрушил? Зачем?

– О, Эол, откуда я знаю? Пять веков минуло! – рассмеялся смирт.

– А о том, что место это считается проклятым, знаете? – вкрадчиво поинтересовался Вит, разглядывая жилище отшельника с не меньшим любопытством, чем я.

Михея, переименованного в Мирона, больше интересовало содержимое котелка, к которому парень с удовольствием принюхивался.

– А вы оглянитесь вокруг, – взмахнул ложкой молодой старик. – Рухнувшие дома, дикие звери, туман по утрам... Места объявляли гиблыми и за меньшее. – Он

указал на угол, там на круглом камне теснились глиняные плошки. – Давайте миски.

– Сел в округе много? – спросил Вит, передавая посуду.

– Одно, дворов на пятьдесят, а хуторов да заимок без счета. – Из самой верхней плошки смирт невозмутимо вытряхнул паука и стал накладывать кашу. – Я как раз поутру в Волотки собирался, телегу обещали прислать. Помер у них кто-то, отпеть надобно. – Увидев, что вириец нахмурился, мужчина предложил: – Торн, хотите – со мной поезжайте, а нет, здесь оставайтесь, за хозяйством присмотрите.

– А как же «един...» – начала я, но, поймав взгляд Вита, замолчала. Смирт не упоминал о заклинании, не давшем нам свернуть с пути, и вириец, видимо, не хотел, чтобы я об этом спрашивала.

– Мы подумаем, – сдержанно ответил чернокнижник.

Старик пожал плечами и передал Михею тарелку с кашей.

Ночевали в лачуге. Хоть и пришлось устроиться прямо на полу, а в качестве одеял использовать плащи, никто не изъявил желания продолжить путь на ночь глядя.

– Раньше-то здесь лепота была, – рассказывал отшельник внимательно слушавшему Виту. – Пока скит не разорили.

Я слушала отшельника вполуха, сквозь подступающий сон. Вот бы и правда завтра телега пришла, тогда часть пути можно провалаться, глядя в синее небо, а не трястись верхом. Тут я снова вспомнила о заклинании и... И ничего. Смирт о нем не знал или не хотел говорить. Хотя, возможно, он знал, как выйти из-под власти чужих чар.

Последнее, что запомнила, засыпая – как лежащий неподалеку стрелок вертел в руках осколок светлого мрамора. Все-таки взял на память.

– Пожалуйста... Во имя Эола прошу, – проскулил кто-то, вырывая из яркого беспокойного сна, в котором я бесконечно пробиралась сквозь лесные заросли. Сев, протерла глаза, стараясь что-то рассмотреть в окружающей тьме.

– Ви... Торн, – не сразу вспомнила я новое имя вирийца, – что случилось?

Никто не ответил. Я поднялась. Сквозь черную пелену проступали очертания предметов, неровные стены, погасший очаг.

– Во имя Эола, во имя Эола, во имя Эола... – иступленно бормотал чей-то голос.

Я повернулась. Глаза уже привыкли к темноте, но увиденное едва не заставило меня зажмуриться. Совсем как в детстве, когда долго смотришь на солнце, а потом пытаешься избавиться от цветных пятен в глазах.

На ворохе тряпья стоял коленапреклоненный смирт и монотонно повторял одну и ту же фразу. Но, видимо, бог сегодня был глух к взываниям своего служителя. Отшельник отвесил земной поклон, и я увидела сидевшего у стены напротив Вита. Вириец с не меньшим интересом наблюдал за ночной молитвой.

– Давно он так развлекается? – шепотом спросила я.

– Не очень, – едва слышно ответил мужчина. – Но дело не в нем. Прислушайся! – Вит одним молниеносным движением поймал в очередной раз приложившегося лбом к земле Теира и зажал тому рот, заставив отшельника замереть в странной позе.

Тишина. Завернувшись в плащ, посапывал у очага Михей. Шумно дышал, выглядывая в одну из щелей, Рион. Сжатые кулаки парня белели в темноте, словно он готовился к рукопашной. Или злился. Или боялся...

Подул, загудев досками, ветер, зашелестела листва, и на грани слышимости я уловила тоненький издевательский смех. Так смеется ребенок, таская кошку за хвост. Злой и уверенный в своей безнаказанности ребенок. Жестоко, с ноткой превосходства. Представить бродящее ночью по заброшенному скиту веселое дитяtko упорно не получалось, а потому...

– Игоша?[7 - Нежить, по поверьям – переродившаяся душа умершего ребенка, как гласит молва, «нехорошо умершего».] – предположила я.

До этого видеть то, во что превращались души убитых детей, мне не доводилось. Как-то не так я планировала восполнить пробелы в данном бабкой образовании.

Смех сменился резким отрывистым тьяканьем и визгом, от которого зачесались пятки.

– Скорей всего, – кивнул Вит. – А где уродец, там и другие притворы[8 - Общее название нежити или нечисти, способной притворяться человеком, но при этом ни в коем случае не являться им.], и кардуши[9 - Нечистые души.], и злыдни[10 - Нечисть, один из видов нечистых животных. «Нечистость» животного определяется по наличию у того магической способности, например, чутать магов, приносить несчастья, видеть невидимое, ходить по тропам между мирами и т. д.], и еще боги знают кто.

– Лошадей задерут, – простонал чаровник и, словно в ответ, послышалось тонкое конское ржание.

– Лошади на заднем дворе, так что первыми задерут нас, – успокоил его чернокнижник, – а потом задерут и их. Мясо есть мясо.

– Если затаимся, может, им и лошадей хватит? – только что сокрушавшийся о судьбе животных Рион посмотрел на Теира. – Насытятся и уйдут.

Отшельник дернулся, вытаращил глаза и сделал попытку вывернуться из захвата чернокнижника.

– Завоешь – шею сверну, – шепнул тот и отпустил смирта.

– Не уйдут. Там капище. Нечистое святилище! Он унес его часть! – Отшельник ткнул пальцем в спящего стрелка.

Я едва не выругалась вслух. Капище – это не просто плохо, это почти верная смерть.

- Теперь, как собаки, по следу пойдут... все равно найдут... Придут... убьют... найдут... найдут... - Смирт снова впал в оцепенение и начал повторяться.

- Выкиньте эту гадость, и дело с концом, - предложил чаровник.

- Можно, но нам это не поможет, - разочаровала я парня.

- Ты-то откуда знаешь?

Бормотание отшельника снова свелось к упоминанию Эола и земным поклонам в сторону вирийца. Я подняла глаза: прямо над чернокнижником висела картинка с божественным ликом. Эол на ней выглядел хмурым и недовольным, а может, просто показалось в полумраке.

- Знаю, - не стала вдаваться в подробности. - Эти твари, как гончие, для них главное - запах. Всех, кто касался камня, убьют. Ну и остальных за компанию. Так что выбрасывать камень надо вместе со стрелком.

- И со мной, я его тоже трогал. - Вит поморщился.

Рион обернулся, по его лицу я поняла, что избавиться от чернокнижника он не прочь, а вот Михея жалко.

- Понятно, почему скит считают проклятым. Эй, блаженный, - позвал Рион. - Чего сразу-то не рассказал? По-человечески? Мы бы поверили...

- Потому и не сказал. - Вириец посмотрел на бьющего поклоны отшельника, - что поверили бы и на ночь здесь не остались. Чтобы сойти с «единого пути», нужна кровь, а еще лучше жертва, и уж совсем хорошо, если человеческая. А выбор у нас не так велик.

- Но мы бы никогда не тронули святого человека, - поразился ученик мага.

- Говори за себя, - прошептал Вит.

- Других способов нет? - спросила я.

– Есть. – Вириец встал, обошел коленопреклоненного смирта и аккуратно выглянул в окно. – Вернуть осколок на место до того, как нечисть обнаружит недостачу во вверенных ей развалинах. Запах им, конечно, все равно не понравится, но... если сытые – по следу не пойдут. Одна трудность. Сад сейчас кишит разными тварями, и так просто нам туда не пробраться, особенно если хотим жить долго и счастливо.

– А если бы... – Рион отвернулся от щели в стене, – если бы... – Я скривилась, понимая, до чего додумался ученик Дамира. – Говорят, народ вордов[11 - Ворды – водяной народ.] не оставляет следов. Совсем.

– Правда? – с живейшим интересом переспросила я. – Почему, как только что-то надо, я – ворд? А как пакость на другом конце села – так ведьма?

– Айка, ну зачем так? – покачал головой парень, забыв, что чернокнижник нас переименовал, да, наверное, это уже не имело значения, если только кто-то выживет и не поленится выбить имена на могильном камне. – Ты не оставляешь следов – это может стать выходом для всех. Отнесешь камень и...

– И стану первым блюдом, а за вторым нежить идти поленится, так?

– Тьфу, – сплюнул Рион и снова стал вглядываться в темноту сквозь дыру в стене.

– Айка, – позвал чернокнижник. – А если я скажу, что твоя «бесследность» может стать спасением? Для тебя.

– Скажи. – Я села на свой плащ, раздумывая, разбудить Михея сейчас, чтобы вместе с нами мучился, или проявить доброту. Эол учит великодушию, особенно на пороге вечности. Наверное, поэтому пнуть стрелка захотелось еще сильнее.

К тихому смеху в саду добавилось низкое рычание.

– Злыдни пожаловали. Веселье только начинается, – грустно прокомментировал Рион.

– Ты помнишь, откуда Михей взял камень? – спросил вириец.

Я кивнула, глядя, как только что упомянутый парень неловко завозился на своем плаще и приоткрыл глаза.

- И помнишь, как близко от разрушенного Фонтана стена?

Стрелок несколько раз моргнул и резко сел.

- Помню. - Я подняла взгляд на Вита.

- Ты можешь попробовать уйти. Если не сожрут сразу... - Вит многозначительно замолчал. - Если не смогут взять след...

- Слишком много «если». - Я свернула плащ.

- Что происходит? - растерянно буркнул стрелок.

- Сколько у нас времени? - спросила, натягивая куртку.

- Кто знает. - Вит пожал плечами. - Лучше считать, что его совсем нет.

Рион стал вполголоса рассказывать Михею о том, в каком месте нас угораздило заночевать и чем придется расплатиться за взятый на память камушек. Смирт продолжал молиться, его завывания были созвучны визгливому лаю и рычанию нежити.

- Может, дверь подпереть? - предложил спустя минуту Михей.

- Не-а, - не поддержала идею. - Во-первых, - я указала на подгнившие доски, - это не дверь. А во-вторых, помнишь, что говорят о притворах?

- От притворы нет затвора, - ответил Рион. - Там не только нечисть, там еще и нежить. Игоша, например, не имеет тела, он и сквозь стены пройдет.

- Так, что ты решила? - Вит едва заметно усмехнулся. Раны на его лице почти зажили. - Попробуешь спастись? И попутно спасти нас? Или ждем дорогих гостей?

– Давай осколок. – Я посмотрела на Михея.

Стрелок замотал головой.

– Сам пойду. Раз из-за меня все случилось.

– Я тоже хорош. – Чернокнижник сел у окна. – Капище не признал.

– Давайте вы потом покаетесь и сравните, у кого вина больше, – попросила я, прислушиваясь к ночным звукам. Кажется, визгливый лай приблизился. – А то, боюсь, восторг от собственной смелости быстро пройдет, я передумаю, забьюсь вон в тот угол и начну выть вместе с нечистью и нашим гостеприимным отшельником.

– Сам пойду, – упрямо повторил стрелок.

– Толку от твоей самостоятельности, – нервно рассмеялся Рион. – Твои следы для них, как красная ковровая дорожка.

– Камень, – попросила я, чувствуя, как слабеют колени.

Называла идиотом Риона, а сама... Правда, у моего поступка было другое название. Подлость. Или даже не так. Трусливая подлость.

Стрелок нехотя отдал мне камень. Тяжелый осколок с иззубренным камнем, самый обычный, если не считать цвета и холода, шедшего от поверхности. А ведь Михей сказал, что он теплый?

Я спрятала камень за пазуху, проверила, легко ли выходит из ножен клинок. Проверила, скорее чтобы потянуть время, вряд ли эта железка спасет меня, даже если успею пару раз взмахнуть.

– Айка, – позвал Рион, когда я распахнула дверь, и пожелал: – Удачи.

Не могу описать, насколько мне полегчало от этого напутствия. Михей бубнил что-то невнятное и очень похожее на извинения.

Я вышла, ощущая спиной их взгляды. Дверь снова открылась, и еще до того как чужие руки легли на плечи, я знала, кто вышел вслед за мной в серую ночь.

– Дойди до стены, перебрось камень и беги в лес, – тихо проговорил Вит, склонившись к самому уху.

Я выдохнула. Наверное, слишком шумно, потому что именно это я и собиралась сделать.

– Нечисть все равно пойдет по следу Михея. Он касался их святилища, он забрал его часть, пусть они не умеют считать, но они...

– Чувствуют, – закончила я.

– До хижины нечисть дойдет в любом случае, а как только унюхает людей...

– А как же ты? – вырвалось у меня, хотя нужно было спросить «как же вы?». Нужно. Но я спросила другое.

– А я положу всех, кого смогу, и Рион мне в этом поможет. У Михея есть арбалет. Шанс выжить остается, и... – Его руки сжали мои плечи чуть крепче. – Этот шанс не зависит от того, будешь ты с нами или нет.

Я хотела повернуться, хотела посмотреть ему в глаза, даже если зрачки снова стали вертикальными, но вириец не дал, встал почти вплотную ко мне. Его шепот сливался с ночными шорохами, с отдаленным рычанием и смехом.

– Доживешь до утра, возвращайся в хижину, твари уйдут с восходом. Чтобы сойти с «единого пути», нужны кровь и смерть. И того, и другого здесь будет вдоволь, потопчись как следует, вымажи подошвы так, чтобы в обуви хлюпало, и иди на восток. Поняла? – Я не ответила, и он повысил голос: – Поняла?

– Я поняла, что дурная слава чернокнижников сильно преувеличена.

– Люди должны нас бояться, иначе на шею сядут, – тихо рассмеялся Вит. – На самом деле, если бы был хоть малейший шанс, я бы тоже ушел. Не упusti свой, – шепнул мужчина вместо прощания и отступил.

Скрипнула закрывающаяся дверь, и я осталась наедине с ночью и криками.

Лунный свет заливал округу. Развалины скита проступали сквозь силуэты деревьев причудливыми черными мазками. Звуки разносились далеко – смех, бульканье, рычание. Первый шаг дался мне с огромным трудом – ноги словно одеревенели. Второй шаг дался легче, хотя нерешительность сменилась страхом.

Я медленно двигалась вдоль развалин скита. Остовы домов выглядели зловеще, сейчас все, даже небо, казалось исполнено злого умысла. Из каждого проема, из каждого темного провала за мной словно наблюдали чужие недобрые глаза.

Вопреки ожиданиям у арочного прохода никто меня не подждал ни чтобы откусить голову, ни чтобы оторвать ногу и приготовить холодец. Никто – ни живой, ни мертвый. Путь был открыт. Но войти туда меня не заставила бы никакая сила. Идти в гости к кровожадным созданиям через парадное – скорейший путь успеть к трапезе, причем в качестве главного блюда.

Я пошла вдоль старого каменного забора. Через сотню шагов обнаружилась расширяющаяся кверху трещина. Когда-то давно часть стены обвалилась, и теперь в неровный проем задувал ветер, шевеля листьями чахлых кустов.

Трещина была не очень широкой, но протиснуться тощей девчонке вроде меня вполне можно. Только надо ли? Проще размахнуться и зашвырнуть осколок подальше в кусты. Он упадет и, может быть, стукнется обо что-то, а может быть, бесшумно зароется в листву.

– Что ты творишь? – прошептала я, осторожно ставя ногу на потрескавшийся камень. – Жить надоело?

На той стороне рос колючий кустарник. Нога соскользнула с камня, кто-то или что-то визгливо захохотало. От этого смеха кровь застыла в жилах. Ветки качнулись, цепляясь шипами за одежду. На миг в небе показалась круглая, как головка сыра, луна.

Играть в прятки с нечистой смерти подобно, а с нежитью еще и бессмысленно. От притворы нет затвора. Очень многие перед смертью убедились в этом. Если

нечисть захочет, найдет человека и за высокими стенами, и за железными засовами, и на дне морском, и под землей. Хитростью, силой или магией, но доберется до добычи. Если захочет. Главное, чтобы не захотела. Тут либо ты, либо тебя, единственный способ остановить – убить. Чаровники именно так и поступают. Но всех не убьешь. Нечисть, нежить, нелюдь...

Эол, что я здесь делаю? Пытаюсь обмануть судьбу?

Но тем не менее именно этим я и собиралась заняться. Кто бы мне сказал – почему? Я и сама не могла этого объяснить. Не могла понять, почему украдкой выглядываю из зарослей, вместо того чтобы замахнуться и швырнуть камень подальше?

Что с тобой, Айка? Ты всегда думала только о себе. И считала это правильным.

Эол, я до сих пор так считаю. Тогда – почему? Шансов же почти нет. Но это маленькое «почти» держало крепче любых кандалов, не давая развернуться и уйти.

Ну разве кому-то будет лучше, если я умру вместе с парнями? Нет.

Но все-таки шанс был. Вернуть камень на место, и, если обитатели капища не голодны и не злы, они останутся внутри. То есть я надеялась на самую распространенную человеческую черту. На лень.

«Хватит мямлить, Айка! – скомандовала себе. – Решайся или уходи! Третьего не дано!»

Эол, как же страшно! Почему никто не говорил, что поступать правильно так трудно? Что со мной? Я заразилась «правильностью» от Риона? Или «неправильностью» от Вита? А может, «слабоумием» от стрелка?

Я выглянула из кустов. Раздался отрывистый лай, звук затерялся в темноте. Белевший впереди остов статуи показался вполне надежным укрытием. Бросилась бежать, молясь лишь о том, чтобы кусты трещали не очень громко.

Да, я не оставляю следов, трава поднимается, пыль сразу ложится обратно, запах развеивается, а сломанные ветки... Сломанные ветки так и остаются сломанными, но еще ни разу никто не разглядел в них следов, видимо, я как-то не так их ломаю, не тем местом.

Я нырнула за старый камень и прислушалась. Кто-то рычал, кто-то плакал, пока ничего нового. Сменила беловатый каменный остов на ствол векового дерева, потом на куцые кусты, едва не упала в вырытую гигантскими лапами яму. И снова услышала, как где-то смеется мертвый ребенок. Вечно мертвый и вечно веселый. Рухнула в высокую траву около сломанной скамейки и замерла.

С правой стороны раздались шуршание и шаги. Нет, не шаги, а всего лишь обман, плод воображения. Я знала, что Игоша близко, а остальное дорисовал страх. Рука сжалась на рукояти оружия и тут же разжалась. Это бесполезно, железо не поможет против того, кто и так мертв.

Время растянулось, словно патока, липкая и нескончаемая. Каждый вдох занимал вечность, а выдох – две. Если уродец меня заметил, если почувствовал... Нежить убивает быстро, в отличие от нечисти. Мертвые не играют с едой, они выпивают жертву всю – сразу и без остатка. У них нет своей жизни, и они жаждут чужой.

Ветер снова зашуршал в траве, следующий приступ смеха Игоши прозвучал уже вдали. Сердце билось как сумасшедшее, странно, что никто, кроме меня, не слышал. Я подняла голову. Сдвинуться с места оказалось очень трудно, почти невозможно.

А ведь еще не поздно вернуться. Пока не поздно!

Я заставила себя встать, заставила сделать первый шаг и еще дюжину следующих. Где же развалины Фонтана? В темноте все виделось совсем иным, нежели при свете дня.

Раздалось рычание, поначалу едва слышное, оно усилилось и перешло в громкий рокот, скрипучий и неприятный, будто пустую бочку покатали по мостовой. В ее чреве выл ветер, а о бока стучали камни. Захрустели ветки, я нырнула в ближайшие кусты, густотой так себе и совсем невысокие, но выбора не было. Меня тут же накрыла тень выше человеческого роста. Оглушительный рык почти

заставил сердце остановиться, а потом пуститься вскачь.

Я видела очертания звериного тела сквозь кусты, видела блестящую черную шкуру.

Базыга казалась обманчиво неповоротливой. Здоровая нечисть, похожая на чешуйчатого крота. День пережидает, зарываясь в землю. Слепая, но нюх у нее исключительный. Всеядная, говорят, способна переварить рыцаря вместе с доспехами и лошадью, но никто, проверив это на собственной шкуре, не смог потом поделиться достоверными воспоминаниями.

Зачем я все это затеяла? Ведь знала, что геройство еще никого до добра не доводило. Знала, и все равно полезла, видно, и вправду заразилась геройством от парней.

Нужно слиться с качающимися ветками. Не шевелиться и даже не дышать.

Сквозь редкую листву я видела мерно вздымающийся чешуйчатый бок.

«Уходи», – мысленно взмолилась, когда мышцы заболели от напряжения.

Базыга зарычала, и ей – о чудо! – ответили. Неловко развернувшись и задев ветви моего убежища, нечисть поползла прочь. Я медленно выпрямилась. Тело ломало от усталости. Оказалось, что постоять несколько минут неподвижно – гораздо труднее, чем пробежать тысячу вар.

Впереди росло корявое дерево, у самого основания ствол раздваивался, дальше виднелись три ряда жиденьких кустов, а за ними... Белеющие на земле осколки старого Источника.

Дошла! Полдела сделано.

Я перебежала к дереву, ухватившись за корявую ветку, залезла на соединяющиеся стволы и прижалась щекой к сухой коре. На лицо лег тусклый отблеск, лег и пропал. Да, ночью все было совсем не таким, как днем.

Обломки каменной чаши мягко пульсировали багровым светом, словно расколотое на тысячу кусков сердце. Над светом ядовитым сгустком висела тьма, как грозное облако, внутри которого то и дело вспыхивали алые молнии.

Вокруг расколотой чаши бродили тени. Живые и мертвые. Я почувствовала, что не могу вдохнуть, так сильно что-то сжалось внутри. Никогда не видела и не знала, что увижу это. Многие счастливо проживают жизнь, не сталкиваясь ни с одной из таких тварей, а может, как раз именно поэтому.

За спиной раздался отрывистый лай, и я едва не завопила от страха. Вздрыгнула, но заставила себя сохранять неподвижность и по-прежнему прижиматься к стволу дерева.

Меня здесь нет. Никого нет. Только звери, только мертвые души, только...

Они рычали, хрипели, выли. Базыга наткнулась на двухвостого волка, тот рыкнул и тут же отвернулся. Создания, смысл жизни которых – пускать кровь живых существ, вели себя на капище удивительно миролюбиво. Горбатый шакал, чья слюна парализует человека, оставляя в сознании и до последнего вынуждая чувствовать, как зверь выгрызает бьющееся сердце, равнодушно отвернулся от беловатой пелены, которая то распадалась, то собиралась в сгорбленный силуэт.

Некоторые твари подходили к парящей над обломками тьме и пили ее, как воду, заставляя сгусток терять однородность и расплываться в стороны рваными лентами. Далеко расплываться, это походило на разбегающиеся из темного летающего озера ручейки.

О том, чтобы сунуться туда, не могло быть и речи. Вряд ли твари сделают вид, что не видят человека, разгуливающего по капищу. Придется швырять обломок отсюда. И надеяться, что на это не обратят внимания.

Эол, такое даже звучало бредово! Впрочем, вся затея изначально была глупостью, но уже поздно плакать.

Я полезла в карман и... замерла. Пальцы коснулись ткани, и только ткани. Карман был пуст. Страх холодными пальцами обхватил затылок. Тонкая нить, что удерживала меня на грани самообладания, натянулась.

Стоп! Стоп! Никакой паники! Я заставила себя проверить еще раз. Снова ничего, лишь ткань, крошки и несколько потрепанных нитей. Я начала проверять одежду скорее от отчаяния, так как точно помнила, куда положила обломок. Ничего! Снова проверила карман и попала пальцем в прореху.

Черт! Черт! Черт! Потеряла осколок, просто взяла и потеряла!

Теперь нужно уходить отсюда – из парка, из скита, как можно быстрее.

Я медленно опустила ногу, не спуская глаз с капища, отпустила ветку. Очередная ошибка, не первая и не последняя. Надо смотреть, куда ставишь ноги. Особенно на нечистом капище.

Пока я любовалась на нечисть, ручеек тьмы, пройдя сквозь растительность, изогнулся и окружил древесный ствол. Сапог прошел сквозь тьму и мягко коснулся земли.

А меня в этот момент охватил ужас. Эол, сколько раз я пугалась, и каждый раз думала, что сильнее этого страха уже ничего быть не может. Может. Оказалось, что существует такая тьма, такой беспричинный, мгновенно пронизывающий ужас, от которого хочется завывать волком.

Источник силы в Велиже бил жизнью, он был наполнен тысячью бьющихся сердец, людскими желаниями и мечтами. Источник в старом скиту наполнял смерть.

Черное марево боли и гибели. Тут умирали люди. Мгновенно или мучительно медленно рвались нити их судеб, исчезали желания и помыслы, растворяясь в ужасной темноте. Мгла коснулась ноги, разлилась по венам густым ядом.

Тошнота подступила к горлу. Колени ослабели, и я, как куль с мукой, рухнула в траву. Сапог вырвался из висящей над землей тьмы. Выжегший кровь яд оставил в душе пустоту. Эол, как тошно, как страшно! Как ты мог допустить существование этого ужасного мира! Не могу даже смотреть на него. Не хочу. И не буду. Пусть катится в Дасу. И парни пусть катятся. И я тоже. Нет никакой разницы, где и когда умирать, а потому...

Я перевернулась на живот, заставив одеревеневшие конечности шевелиться, и поползла. Меня не волновала тишина, не волновали потерянный камень и рассвет. Все, чего я хотела, это оказаться подальше отсюда. Отравленное тело стало тяжелым и неповоротливым. Я вцепилась руками в траву, подтянулась, уронила голову на землю и несколько минут лежала неподвижно, а потом подняла руки и повторила все сначала.

В какой-то момент под руку подвернулся камень и до крови расцарапал ладонь. Кусок золотистого мрамора треугольной формы с неровной иззубренной стороной. Тот самый, который я умудрилась потерять. Удивление вышло вялым. Мне и в самом деле стало все равно.

Осколок мерцал тем же красноватым светом, что и остальные камни. Вот как они узнают о пропаже? Все развалины до последнего кусочка связаны магией. Хотя этот камешек вроде отличался. Иззубренный край отливал серебром. Не то чтобы сейчас это имело значение, я отметила разницу походя и тут же забыла про нее. В ушах шумело, руки и ноги слушались все хуже. Кто-то зарычал над ухом, скорее удивленно, чем угрожающе.

Подняла тяжелую голову, встретила взглядом с нечеловеческими, светящимися янтарем глазами. Звериные вертикальные зрачки сузились.

На расстоянии шага стояла злыдня и, кажется, была удивлена не меньше меня. Тощий хвост раздраженно стеганул по земле. Никогда не видела нечисть так близко. И вполне обошлась бы без этого.

Черная шкура отливала серебром. Я могла поднять руку и...

Зверь едва слышно зарычал.

...могла дотронуться до черной треугольной морды. Поднять руку и тут же лишиться пальцев? По-моему, не лучшая мысль перед смертью.

Злыдня продолжала смотреть на меня с аппетитом, но с места не сдвинулась. Были бы силы, я драпанула бы так, что только пятки сверкали бы. Останавливала мысль, что нечисть быстрее, а к веселой игре в догонялки наверняка присоединятся все остальные.

Зверь шумно фыркнул, лицо обдало горячим дыханием. Пахло из пасти злыдни скверно, совсем как у сына кузнеца, пытавшегося пригласить меня на сеновал.

Тварь наклонилась и с интересом обнюхала мои волосы. Квадратные ушки постоянно шевелились, поворачивались в разные стороны. Она напоминала кошку, очень большую и тощую, состоящую из одних костей.

Я зажмурилась, готовясь лишиться половины головы и заорать, если останется чем, а главное, все-таки вскочить и побежать. Плевать, что это заранее обречено на провал. Я просто больше не могла оставаться на месте.

Тварь мотнула башкой и вдруг боднула меня лбом в щеку. Я распахнула глаза, зверь махнул хвостом и боднул еще раз, едва не опрокинув на землю.

Знаете, что мне напомнило это нарочитое «бодание»? Так парни у нас в Солодках в шутку пихали друг друга кулаками или хлопали по спине, мол, чего ты, не тревожь попусту душу, лапоть сплетется и из сырой бересты...

Ну и кто из нас сошел с ума? Я или злыдня?

Настал мой черед мотать головой. Тварь одобрительно рыкнула. Мы обе стояли на четырех конечностях и по очереди трясли головами. Наверное, был в этом какой-то тайный смысл, но пока я не поняла.

Одно хорошо, встреча с нечистью отвлекла от страшных видений, и я снова смогла думать, хоть и не поручусь за разумность этих мыслей.

Если злыдня не собиралась меня есть прямо сейчас... Я покосилась на тварь, та с готовностью раззявила полную острых зубов пасть. Допустим, она не собиралась меня есть, тогда еще не все потеряно. Осколок надо вернуть, и у нас появится шанс уйти. У меня появится шанс.

Я качнулась и рывком села. Тьма внутри всколыхнулась, перед глазами промелькнули тошнотворные картинки. Смерть, такая разная и такая одинаковая. Она снова заслонила все...

Тварь угрожающе зашипела. Шерсть на загривке встала дыбом. Злыдня снова приблизилась и вдруг лизнула меня в щеку шершавым кошачьим языком. Один раз, второй, почти царапая кожу, почти причиняя боль... Такую приятную боль. Она лизала мне щеку, и с каждым движением ее языка смерть отступала. Тьма уменьшалась, словно я была сосудом, а зверь лакал из меня тьму, как молоко из блюдца. Глоток за глотком, как лакомство.

Минута, и я снова смогла дышать. Всего минута, и картины смертей померкли. Я посмотрела в горящие глаза напротив. Черная морда так и лучилась самодовольством, словно только что отведала отборных сливок, а меня так и тянуло потрепать ее за ушами, словно самую обычную домашнюю кису. Слава Эолу, не успела.

Что там поют менестрели об истинных парах, способных делиться силой? Кажется, я только что нашла свою.

Злыдня выгнулась и издала пронзительный вой. Ей со всех сторон многогласно ответили. Мелькнула массивная тень базыги, заскрежетала каркуша, снова залился веселым смехом Игоша, сама тьма шевельнулась, отвечая на призывный крик нечисти. Кто-то прошел за спиной, я почувствовала его мимолетное движение как порыв холодного воздуха. Прошел и... ничего не сделал – сломал ветки кустов, скрылся в окружающей Источник тьме. Корявая ерка, так похожая на высохший и искривленный временем древесный ствол, игриво коснулась плеча руками-ветками. Я не смогла сдержать дрожь. Ерка – это то, во что после смерти превращаются невинные девушки, наложившие на себя руки, те, кому отказано в погребении по законам Эола. Скитающиеся высохшие души. Нежить. И эта нежить, откликнувшись на призыв злыдни, совсем не собиралась перекусывать случайно забредшим к столу человеком. А человеком ли?

Злыдня оборвала вой и еще раз лизнула меня в щеку. Отливающий в свете луны серебром бок коснулся плеча. Ее шкура была горячей и жесткой, словно вымоченное в соде покрывало, которое забыли прополоскать. Я чуть повернула руку и тыльной стороной кисти провела по боку твари. Та вроде бы совсем не возражала. Она вела себя так, словно не было ничего необычного в том, что человек среди ночи сидит на нечистом капище и позволяет вылизывать себе лицо. Она вела себя так, словно знала меня, словно...

Я вздрогнула. Злыдня отстранилась и заглянула в лицо казавшимися невозможно яркими глазами. Светлыми глазами. А что, если, называя меня

«водянкой», люди были чересчур добры? Что, если я вовсе не представительница вордов, пусть и опасная, но все же принадлежащая к людскому роду девчонка, что, если я... нечисть?

Злыдня одобрительно тряхнула головой, задев кончиком хвоста ногу в сапоге.

Ведь не зря богинки приняли меня за свою, не зря звали с собой.

Игоша продолжал смеяться. Луна нырнула за облако, оставив меня в полной темноте.

«Может, потом погорюешь? – раздался в голове бабушкин голос. – Оплачешь нелегкую долю нечисти подальше от этой самой нечисти?»

Я хмыкнула, потому что, будь бабушка здесь, именно так и сказала бы. И, возможно, подкрепила бы воспитательный эффект подзатыльником. Действительно, какой смысл плакать о том, чего нельзя изменить? Никакого, а вот кое-что другое – еще можно.

Я сжала в руке осколок, иззубренный, мягко светящийся край врезался в ладонь. Кое-что еще можно. Вернуть нечисти то, что взяли. Тогда, возможно, нам дадут уйти. Мне дадут.

Я привстала, замахнулась и непослушной онемевшей рукой швырнула осколок во тьму, запоздало представив, что будет, если камешек не долетит до развалин Фонтана. Но камешек долетел... Ох как долетел!

Вспыхнуло так, что осветило и заросли, и разрушенный Фонтан, и очумевшую от светопрествления базу. Наступила тишина. Ватная, ненастоящая, выжидательная, от которой у тварей шерсть на загривке встала дыбом. А потом грохнуло так, словно сам Эол взял в руки молот и ударил по земле. Воздушной волной меня опрокинуло на спину. Злыдня рыкнула и прыгнула в кусты, оборвал смех Игоша, ломая ветки, стала удаляться база. Все собравшиеся здесь этой ночью мертвые и нечистые твари стали не просто расползаться с капища, они почти бежали. Уносили ноги, руки, ветки и челюсти со священного для них места.

В животе заурчало от голода. Или от страха. Не знаю.

Подняться удалось только с третьей попытки, мышцы слушались с трудом, словно я три часа кряду перебирала горох, голова кружилась. Я поковыляла к раздваивающемуся дереву, подняла голову и, не сдержавшись, ойкнула, словно наступившая на подол сарафана косолапая Ксанка.

Выглянувшая из-за облаков луна показала капище во всей его неприглядности. Источник разнесло на мелкие крошки, словно разрушений, произошедших много лет назад, было недостаточно. Среди каменной россыпи лежали тела. Немного, но они были. Это те, кто слишком близко подошел к каменной чаше. Одна злыдня, непонятное – состоящее из одних волос – существо и истлевающий древесный ствол – все, что осталось от ерки... Может, зацепило кого-то еще, но, чтобы разглядеть, надо было подойти ближе, а у меня такого желания не появилось.

– Айка, – раздался голос за спиной. Я обернулась. От стены ко мне приближался Вит, за ним бледный Михей с заряженным арбалетом. – Ради всех святых Тарии, скажи, что ты сделала?

– Не... не знаю, – прошептала я. – Просто бросила осколок, а когда он упал... – Я беспомощно развела руками и поежилась, оглядываясь.

– Может, вернемся? – Стрелок нервно поводил арбалетом из стороны в сторону. – Как скоро уродцы возвратятся?

– Очень нескоро. – Вит обогнул сросшееся дерево, осмотрел капище и выразительно присвистнул. – После такого выплеска силы они еще пару дней, вернее, ночей будут в себя приходить. Да что там нечисть! – Он махнул рукой. – Всем досталось. – Стрелок снова поежился. – Всем, так или иначе причастным к магии: людям, нелюдям и даже, – он поддел носком сапога ветку, – заклинаниям. Например, «единому пути», будь он неладен.

– И что нам теперь, не обязательно резать того смирта или еще кого-то и марать руки и сапоги кровью? – тихо спросила я, но Михей все равно услышал, открыл рот, но ничего не сказал. Иногда он умеет быть умным, а иногда нет. Впрочем, так можно сказать о каждом из нас.

– Нет. – Вит прислушался к чему-то и подтвердил: – Можем уйти в любой момент, выплеск силы уничтожил заклинание. И не только его. У меня подчистую снесло ограничитель, который поставили криворукие тарийские чаровники. Теперь, слава Рэгу[12 - Рэг – бог смерти в Вирийском княжестве, противопоставляется Эолу, не почитается в Тарии.], восстановлюсь полностью.

– Ну хоть кому-то польза. – Я, покачиваясь, отошла от ствола, чернокнижник тут же протянул мне руку, не давая упасть. – Может, и вправду уйдем? Мне здесь не по себе.

«Как и всей остальной нечисти, – мысленно добавила я, – как и всем тем, кто удирал отсюда без оглядки».

– Согласен. – Михей развернулся и махнул арбалетом на тьму, то ли подгоняя, то ли указывая направление. – Да и Рион ждет.

Вит помогал мне идти, поддерживая под локоть, и даже один раз поймал, когда, запутавшись в собственных ногах, я твердо решила прилечь на усыпанную листьями землю. Чернокнижник обхватил меня за талию, позволив уютно устроиться на своей широкой груди. Надо же, и как я раньше не понимала, что привлекательного находили в этом девицы! А вот сейчас оценила. Широкая грудь – это практично, будь рядом кто-то вроде Риона, я бы нас обоих опрокинула, а так ничего, можно даже расслабиться, закрыть глаза и слушать, как где-то сзади топает стрелок, как ветер затихает в листве, как...

– Айка, – позвал Вит и вдруг спросил: – Почему ты не удрала?

Я напряглась. И он это почувствовал, провел рукой по спине, вроде бы успокаивая... Вроде бы, потому что спокойнее не становилось, а сердце, наоборот, колотилось так, что, будь здесь злыдня – точно услышала бы.

Почему? Я замотала головой, пытаюсь отогнать далекое и почти забытое воспоминание и одновременно показать вирийцу, что ответа он может не ждать.

Под ногами Михея шуршала трава.

Почему? Да потому, что я до сих пор иногда видела ее во сне. Заплаканную или улыбающуюся Майку, свою единственную подругу, что возвращалась ко мне в мире снов, как бы напоминая: за тобой долг, Айка!

Глава 3

Долг

Девчушка бежала через утренний лес. Ветки и репей цеплялись за одежду, путались в волосах, ноги промокли от росы. Но это ее не печалило. Звонкий чистый смех летел над верхушками деревьев.

Она остановилась на поросшей клевером поляне, украшенной розовыми соцветиями, так похожими на маленькие клубки ниток. Трудно сказать, чем эта поляна отличалась от десятка таких же, через которые девочка пробежала, даже не оглянувшись, но эта отличалась. Может, поваленным деревом? А может, раскидистым, усеянным черными ягодами, кустом с резными листьями?

Малышка остановилась и нахмурилась. Того, кого она ожидала увидеть, еще не было. Грусть, как облачко, на мгновение заслонившее солнце, развеялась. Надо просто подождать.

Девчушка влезла на поваленное дерево и достала из-за пазухи два яблока. Одно, подумав, убрала обратно, а во второе вонзила зубки и принялась болтать тощими ногами.

На вид девочке было лет шесть. Худенькая, с большими светлыми глазами и белесыми волосами, заплетенными в уже успевшую растрепаться косицу.

Бабушка уехала еще затемно. Иногда она так делала, оставляла внучку одну на день или даже на ночь. В первый раз было страшно, казалось, во всех углах избы копошатся мыши или еще кто-то похуже. Но потом девчушка привыкла. Она уже большая и справится. А бабушкина отлучка ей даже на руку: можно поиграть с подружкой, не придумывая никаких отговорок. Раньше девочка играла одна. Всегда. Другим детям запрещали водиться с ней. Взрослые говорили, что она

неправильная.

Девочка хихикнула. Какое смешное слово – неправильная. А вот Майка так не считает.

Они познакомились случайно. Девочка собирала травы для бабушки, а Майку послали за грибами. Встретились возле старого оврага, зашли немного дальше, чем разрешали взрослые. У Майки тоже не было друзей. Ее семья жила на заимке ниже по реке, а в деревню каждый день ради игр не набегаешься. А еще у Майки было пятеро младших братьев, за которыми, по словам подружки, нужен глаз да глаз.

У того оврага встретились две одинокие души. Встретились и подружились. С тех самых пор, когда удавалось оторваться от домашних дел, девчужки играли в лесу, не заходя, впрочем, слишком далеко – и та, и другая знали, как опасна чаща.

Сегодняшний день обещал стать особенным. Семейство Майки отправилось на ярмарку в Алафу. Девочка смогла убедить родителей оставить ее дома, якобы помогать старой тетке. На деле же старушка со всем справлялась сама и отпускала племянницу гулять.

Сегодня Майка обещала показать что-то особенное. Обещала, обещала, обещала! Девочка продолжала раскачиваться на высохшем стволе, с нетерпением ожидая подругу.

Майка пришла. Не успела первая девочка доесть яблоко, как из-за деревьев вышла другая – постарше, повыше и пошире в кости, с длинной черной косой и синими глазами.

В отличие от первой, одетой в рубаху и штаны, на старшей был сарафан, на голове платок, а в руках холщевая котомка.

– Айка, слезай, – с напускной строгостью сказала старшая. – Не ровен час, свалишься.

Айка легко спрыгнула на землю, рассмеялась, подбежала к подруге и, подергав за мешок, спросила:

- Чего там?

Аккуратно высвободив котомку, Майка поправила платок.

- Хлеб, сыр, лук, орехи. Мы же на целый день уходим. А ты, я вижу, об обеде не подумала.

Младшая озорно хихикнула.

- А вот и подумала, - с торжествующим видом достала из-за пазухи второе яблоко и протянула подруге.

Майка вздохнула, но присоединила дар к своим припасам. Взявшись за руки, девочки пошли в лес. Через несколько минут кроны деревьев вздрогнули, в небо устремилась стайка пичуг, напуганная громким смехом. Похоже, младшей все же удалось расшевелить подругу.

- Старое поймище, - сказала Майка, когда девочки вышли к ручью. - Так его называют. Осталось недалеко.

Через полвара ручей изогнулся, расширился и сильно обмелел. Младшая замерла и ахнула. Старшая довольно улыбнулась. Не зря она привела подругу сюда. Этот выдох и расширенные от изумления глаза Айки того стоили.

На месте убывшей воды росли кристаллы. Разной формы и размера, группами и поодиночке. Солнце отражалось в их гладкой поверхности, щедро даря округе бесчисленное количество цветных искр. Ничего красивее девочкам видеть не доводилось.

- Наше волшебное королевство! - Старшая, довольная произведенным эффектом, весело рассмеялась.

Айка запомнила этот день навсегда, столько всего в нем было, столько радости и смеха! В тот момент она ощущала себя абсолютно счастливой.

До вечера девочки играли в свои, одним им понятные игры, воображая себя то прекрасными принцессами, то лесными нимфами, то могучими чаровницами. Их веселые голоса разносились далеко вокруг, вторя ласковому журчанию ручья.

Напоследок каждая отломала себе по кристаллу – в качестве талисмана. Не удержавшись, младшая лизнула свой и скривилась.

– Фу, соль, – потом задумчиво добавила: – А к нам соль из Алафы возят.

Старшая пожала плечами, дела взрослых ее не очень интересовали.

Обратный путь занял больше времени, слишком уставшими и довольными были девочки. На поляне с поваленным стволом они попрощались, договорились встретиться через четыре дня и снова пойти к ручью.

Старшая уже скатала пустую котомку и стала убирать ее за пазуху, когда обнаружила пропажу.

– Мой кристалл! – запричитала Майка, лихорадочно осматривая одежду. – Его нет! Я потеряла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Водянка – представительница народа вордов. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Демон.

3

Дин – серебряная монета.

4

Примерно тысяча шагов.

5

Бог жизни в Тарии.

6

Самый распространенный духовный сан в Тарии, обычно смирт – это служитель храма.

7

Нежить, по поверьям – переродившаяся душа умершего ребенка, как гласит молва, «нехорошо умершего».

8

Общее название нежити или нечисти, способной притворяться человеком, но при этом ни в коем случае не являться им.

9

Нечистые души.

10

Нечисть, один из видов нечистых животных. «Нечистость» животного определяется по наличию у того магической способности, например, чуют магов, приносить несчастья, видеть невидимое, ходить по тропам между мирами и т. д.

11

Ворды – водяной народ.

Рэг – бог смерти в Вирийском княжестве, противопоставляется Эолу, не почитается в Тарии.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sokol_anya/vorovka-char-nechist-nezhit-nelyud

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)